Александра Свиридова

(Печатается с любезного разрешения автора)

Погромы улеглись. Карантин в городе сняли. Не весь, не сразу, не везде, но всё.

«Прохуяло са вихором»
Раннее утро. Около семи.
34-я стрит и Седьмая авеню.
Приехала на Пен-стейшен электричкой из аэропорта Кеннеди. Народу немного. Собранные лица всех цветов, в масках, сидят поодаль друг от друга, едут на работу. Тихо: никто не говорит по телефону. Вокзал, перрон, семь утра. Ни души. Повторяю три раза: ни души. Пара человек на платформе исчезают на лестнице, ведущей от платформы наверх.

Иду на рапиде – задерживая ногу в воздухе, так как поверить не могу. 34-я, где долгие годы стояла полиция, военные с собаками, автоматами и в бронежилетах – отлавливали бомбы под землей на главной узловой станции города, – брошена на произвол: все ушли. Нет никого, сколько хватает глаз. Берете кастрюлю-скороварку, набиваете болтами и – вперед. Останавливать вас некому. Ларьков с едой – тоже нигде никаких.
Ползу вверх по пустой лестнице эскалатора – кто-то виден далеко вверху и кто-то внизу. Эскалатор выносит на угол к трем «М»: офису Валерия Молота, магазинам «К-Март» и «Мэсис». Там наверху лет двадцать был в нише пост полиции с солдатами и собаками. Тоже - ни души.

Выхожу на 34-ю. Первое, что вижу, – лежат три тела на тротуаре. Справа – ближе к лестнице на углу Седьмой, что ведет в метро. Наклоняюсь. Это спят бездомные. Спасибо, один прикрылся курткой, другой обувь снял и положил под голову. Иначе и за живых принять трудно.
Озираюсь. Весь первый этаж знаменитого магазина «Мэсис» слепой: нет сияющих витрин. Все забито желтой фанерой. Банк на другом углу – окна забиты. Кафе «Збарро» на третьем в фанере от тротуара до крыши. Старательно делаю вдох. Рука тянется к телефону – снять. И тут же решаю, что снимать это не буду. Есть другие, кто всё обснимет. Моё дело – увидеть своими глазами и запомнить. Не впервой буду свидетелем, чтобы потом мне никто не рассказывал, как это было, когда танки вышли в августе девяносто первого в Москве или как самолеты влетели в небоскребы в 2001-м в Нью Йорке. Сама посмотрю и запомню запах мазута и гари. Сейчас пахнет фанерой. Прошел мелкий дождик. Чистый тротуар, дорога… Иду.

35-я уже, 36-я. По тротуару надвигаются бомжи разных полов-возрастов-цветов. Трое-четверо. Вяловатые с утра, но видят добычу. Требовательно окликают, протягивают стаканчики, требуя своего. Потупившись, схожу на дорогу. Ступаю бесшумно, чтобы не спугнуть ТИШИНУ. Я ее никогда не слышала в Нью-Йорке на Седьмой, если идти от 34-й в сторону Таймс-сквер. Один мужик моет окно у двери открытой лавочки. Другой протирает стекло. Замирает, разглядывая меня. Похоже, давно обычных прохожих не видел.
38-я. Кто-то проходит с бумажным стаканчиком. Запах кофе добавляется третьим в палитру – после запаха влажного асфальта и влажной древесины. Кофе, люди. Два-три человека.
40-я. Ближе к автовокзалу некто говорит по телефону. Коротко уточняет, куда идти. Иду, неуверенная в том, что существую. Это не вполне «Земляничная поляна», но точно Ингмар Бергман.

